

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2026-3-55-67

EDN: LNEYCH

ASJC 1202

ГРНТИ 03.61.21

Ссылка для цитирования: *Дмитриева Н. А., Пушкарева Н. Л.* Женская социальная память в условиях экстремальной повседневности России (1914–1920 годы): историко-антропологический анализ // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 3(74). С. 55–67. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-3-55-67. EDN: LNEYCH

**ЖЕНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
РОССИИ (1914–1920 ГОДЫ):
ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**

Н. А. Дмитриева

Институт этнологии, антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, прт Вернадского, 82

dmitrievana67@yandex.ru

ResearcherID: P-4349-2017

Scopus Author ID: 57189642279

SPIN-код: 6529-1123

Н. Л. Пушкарева

Институт этнологии, антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а

pushkarev@mail.ru

ResearcherID: K-1705-2013

Scopus Author ID: 55794855000

SPIN-код: 3853-8032

В центре внимания публикации – историко-антропологический анализ особенностей женской коллективной и индивидуальной памяти в экстремальной повседневности российской истории (1914–1922 гг.). Ключевыми выступили концепты истории памяти, подходы женских исследований, эмоциональной истории. Историко-антропологическая перспектива позволяет сместить акцент с описания исторических событий на самих авторов. Источниковую базу составили женские дневники, принадлежавшие представительницам различных социальных групп. Преимущества дневников среди автобиографических источников – в отражении субъективности автора, рефлексивных размышлений на момент происходивших событий. Дневники были отобраны по принципу полноты, постоянства изложения и малоизвестности авторов. Женские эго-документы были извлечены из восьми фондов пяти архивов. В исследовании показано, что содержание женских нарративов отличается «коммеморативной плотностью», потоковостью повествования, отсутствием границ в описании происходивших исторических событий. В женских текстах тесным образом переплетались явления частной и публичной истории. Переживания экстремальной повседневности характеризовались эмоциональной насыщенностью повествования и выражались в поиске новых форм идентичности. Переход от «старой» к «новой» России отображался с помощью аллегорий смерти и умирания. Важным фактором стрессоустойчивости и преодоления травмирующего опыта для женщин выступала забота о семье, близких родственниках, нуждавшимся в социальной помощи. Амбивалентное восприятие реальности формировало различные стратегии

выживания, которые предполагали отказ от реальности, попытки адаптироваться к новым условиям, а также активное деятельное начало.

Ключевые слова: коллективная память, социальная память, женская социальная память, женские дневники, Первая мировая война, женская повседневность.

Введение

Последнюю четверть XX в. вполне можно назвать «мемориальной эпохой» [Нора, 2005, с. 4] ввиду чрезвычайного интереса академического сообщества, государства и общества к вопросам меморизации социального опыта поколений [Поршнева, 2016; Русакова, 2022]. Узловыми теоретическими категориями в мемориальных исследованиях [Halbwachs, 1980; Nora, 1989; Ассман, 2004; Рождественская, Семенова, 2011] являются понятия исторической, социальной, коллективной и индивидуальной памяти. Если историческая память, по мнению Хальбвакса, относительно едина, то коллективная память дефрагментирована и включает разные смыслы, во многом определяющиеся культурной традицией, в рамках которой происходила социализация индивида [Halbwachs, 1980, р. 86]. П. Нора высказывал мнение, что историческая наука стремится подавить отдельные виды коллективной памяти [Nora, 1989], в особенности тех сообществ, представители которых оказались на обочине социально-политической жизни. Я. Зерубавель ввела в научный оборот понятие «контрпамять», которое предполагает «альтернативную повествовательную модель» [Зерубавель, 2011, с. 22]. Контрпамять вносит разлад в общепринятое понимание прошлого, так как предлагает новое прочтение и видение исторических событий. Несмотря на активное обсуждение понятия «коллективная память», возникают сложности при попытке его изучения и репрезентации, ввиду того что социальные группы, сообщества крайне неоднородны и разнообразны [Савельева, 2007]. Индивидуальная память может противостоять как исторической, так и коллективной памяти [Нора, 2006, с. 6], в связи с тем что эти виды памяти во многом испытывают влияние официального политического дискурса, политик памяти и существенно образом определяются ценностями настоящего.

Еще в начале XX в. антропологи отмечали значимость индивидуальных проявлений при изучении культурных сообществ [Малиновский, 2004, с. 436]. Дж. Робинсоном было введено понятие «автобиографическая память», которое состоит в репрезентации событий, имеющих личное отношение к индивиду [Robinson, 1987]. Теоретиками культуры памяти был сделан акцент на то, что мужчины и женщины по-разному конструируют свою коллективную память, им свойственны разные градусы «эмоциональной температуры» описания исторических событий [Артог, 2004; Винницкий, 2012]. Женская социальная память обладает потенциалом в альтернативной репрезентации прошлого [Белова, 2024], так как процессы запоминания имеют гендерно обусловленную направленность [Haaken, 1998, р. 12]. Вслед за психологами [Экман, 2010], социальные исследователи стали акцентировать внимание на том, что женское восприятие повседневности отличается большей эмоциональностью, экспрессивностью, вниманием к деталям, что несет значимый потенциал в репрезентации пластов повседневности [Пушкарева, 2019]. В рамках женских исследований отмечается, что женская социальная память до сих пор малоизучена и в определенном отношении маргинальна [Пушкарева, Белова и др., 2019; Богдашина, 2020; Пушкарева, Жидченко, 2022; Белова, 2024]. Голос рядовых женщин зачастую не берется в расчет при изучении и репрезентации значимых событий в истории России [Чуракова, 2019]. Отсутствие гендерной перспективы в изучении памяти ставит под сомнение возможность исследования структур памяти во всей полноте и смыслах.

В фокусе представленной публикации – историко-антропологическое изучение особенностей женской социальной памяти в условиях экстремальной повседневности российской истории с начала Первой мировой войны до утверждения советской власти (1914–1922 гг.). Интерес к данному хронологическому отрезку определен тем, что проживавшие в этот исторический период люди находились на сломе двух эпох, буквально в символическом состоянии «порубежья», испытывая на себе «разрывы истории» [Arendt, 1961]. Под экстремальной повседневностью мы понимаем повседневность, вызванную нетипичным событийным ходом, выходящим за рамки устоявшихся представлений людей о социальном порядке, структурах повседневности и принци-

пах социальных отношений, что заставляло индивидов мобилизовать различные практики выживания, принимать решения в крайне неопределенных условиях и вырабатывать особые механизмы адаптации к новым культурным и социальным нормам для самосохранения и выживания.

Мы используем историко-антропологический подход, а также подходы гендерной истории, эмоциологии, понимающей социологии, позволяющие генерализировать и масштабировать полученные данные из отдельных автобиографий. Этнологическая перспектива изучения коллективной и индивидуальной памяти предполагает акцент не столько на исторических событиях, запечатленных в нарративных текстах, сколько на самих авторах. Историко-антропологический подход позволяет понять, как значимые изменения на макроуровне – в политической, социально-экономической, культурной сферах общества – отражаются на микроуровне – в повседневных практиках и субъективных опытах «маленьких людей», их эмоциональных переживаниях, характере их инкультурации и способах выживания.

Новизна подхода также состоит в источниковой базе исследования. В настоящее время только обозначился «переход от истории событий к истории опыта “маленького человека”» [Поршнева, 2016, с. 50–64]. Эмпирическую базу исследования составили тринадцать дневников, принадлежавших девяти женщинам из различных социальных страт, отличавшихся по своему происхождению, возрасту, месту проживания, роду деятельности. Среди авторов нарративов – дворянки, представительницы купеческого сословия, горожанки (медицинские сестры, учительницы, студентки, гимназистки). Привлекаемые нами женские дневники малоизвестны и практически не вовлечены в научный оборот. Они были обнаружены в фондах российских архивов (ГАРФ. Ф. 5819. Дневники В. Н. Бобринской; РГАЛИ. Ф. 3114. Дневники Е. П. Андреевой; ОР РГБ. Ф. 12. Дневники З. В. Араповой; Ф. 686. Дневники Н. С. Солодовниковой; Ф. 698. Дневники Е. П. Михайловой; Ф. 729. Л. М. Варковицкой; ЦХД после 1917 г. Ф. 105. Дневники О. В. Сварковской; ТГОМ НА. Ф. 1. Дневник А. А. Ждановой). Данные нарративы были отобраны в связи с полнотой описания, постоянством записей на всем протяжении рассматриваемого периода.

Ориентируясь на подходы *memory studies*, согласно которым образы прошлого, описанные представителями разных социальных групп, дают им возможность представить «свою» историю, мы акцентируем внимание на ценностях, представлениях, эмоциональных чувствах, присущих представительницам различных социальных страт. Мы сознательно используем дневники неизвестных женщин, полагая, что обращение к вытесненным на обочину свидетельствам эпохи вносит вклад в понимание пористости и неоднозначности происходивших событий, тем самым дополняя и углубляя картины прошлого, приближая его к объективной многогранной репрезентации. Мы исходим из того, что прошлое не является усредненной суммой «типичных» субъективностей; ценность этих текстов состоит в репрезентации субъективности, которая также является частью нашего прошлого, что делает индивидуальную память и субъективное восприятие исторических событий объективными в факте своего существования.

Ключевыми методами выступили контент-анализ, нарративный анализ автодокументальных источников. Был применен метод, названный нами «методом обратного интервьюирования», предполагающий составление и использование гайда, ответы на вопросы которого были обнаружены в женских дневниках, воспринимаемых нами как «репортажи с места событий». С целью формализации изложенного в дневниках мы выделили отдельные описываемые женщинами эпизоды жизни и попытались проанализировать их в контексте коллективной памяти (схожие эпизоды, характер их описаний, своеобразие эмоциональных реакций и оценок, придаваемые смыслы собственным действиям).

Потенциал женских дневников в изучение индивидуальной и социальной памяти

В изучении социальной памяти существенным потенциалом обладают нарративные тексты [Passerini, 2005], которые выступают в роли реликтов, способных репрезентировать разные грани и оттенки прошлого [Nora, 1989]. Среди автобиографических источников особую значимость имеют дневники. В дневниковых нарративах отражается субъективность автора, сохраняется рефлексивность размышлений на момент происходивших событий. Безусловно, дневнико-

вые записи испытывают влияние множества факторов, само восприятие автором реальности может быть искажено, его роль может быть им существенно приукрашена и преувеличена, многие факты при этом могут замалчиваться. В то же время дневники отличаются условной объективностью повествования, как бы это парадоксально ни звучало, так как они фиксируют реальность в формате «здесь и сейчас» и отражают реальную картину восприятия, в отличие от воспоминаний, которые подвергаются ревизии социального опыта и оценке с позиции настоящего, когда эмоции остыли и появляется возможность «здро́во оценить происходившее, описать его с учетом факторов, о которых автор записок мог и не знать в момент фиксации материала» [Чуракова, 2019, с. 256]. Интерсубъективность становится главным исследовательским фокусом. Дневники, в отличие от воспоминаний, выступают чистым срезом индивидуального восприятия, эмоциональных реакций на происходившие трансформации социальной реальности.

«Коммеморативная плотность», потоковость, отсутствие четких временных границ в женских нарративах

Социальные антропологи, исследователи памяти подчеркивают, что личность, находящаяся на сломе исторических эпох, в условиях «исторического пограничья», испытывает повышенную потребность в рефлексии над переживаемыми ею событиями в условиях, когда настоящее ощущается зыбким, а прошлое – смутным и противоречивым. Нарративное письмо выступает в качестве средства, исцеляющего от травм. Описываемые в женских нарративах события этого периода отличаются «коммеморативной плотностью» [Зерубавель, 2011, с. 19] и насыщенностью в контексте создания повествовательной конструкции. На фоне описания других отрезков жизни именно эти периоды представлены чрезвычайно подробно и ярко. «Коммеморативная плотность» выражает значение, которое общество приписывает различным отрезкам своего прошлого, а также свидетельствует о «давлении истории» на индивидуальную память [Lévi-Strauss, 1970, p. 259–260].

Несмотря на различные «культуры восприятия времени» авторов нарративов в связи с их принадлежностью к различным социальным группам, политическим взглядам, семейному положению, события в коллективной памяти отображались непрерывно и потоково, в отличие от исторического повествования, для которого свойственно выделять четкие границы, периоды и этапы. Описание событий военного времени плавно перетекало в повествование о социальных волнениях и обострениях внутриполитической ситуации, отречении царя, революционных событиях, приходе к власти большевиков. В индивидуальной и коллективной памяти настоящее не противопоставлялось прошлому «тем же образом, каким отличаются друг от друга два соседних периода» [Хальбвакс, 2005, с. 45]. Женские тексты характеризуются монолитной репрезентацией событий на разломах важнейших исторических событий, разграничивавших «старую» и «новую» Россию. Авторы текстов изобретают «собственное летоисчисление», благодаря чему повествовательная конструкция раскрывала индивидуальные представления о времени.

Индивидуальная и историческая память могла не совпадать не только в придании значимости событиям, но и в их интерпретации. Исторические события имели различную плотность описания и протяженность, что было связано с личным опытом участия или неучастия в них, значимости тех или иных событий в жизни повествователя. К примеру, ни в одном из женских нарративов не удалось обнаружить интерпретацию того, что события февраля (23 февраля – 3 марта) и октября (25–26 октября) 1917 г. являлись революцией. Проживавшие в исторических событиях люди не чувствовали и не осознавали происходившего «разрыва истории». Осмысленность в состоявшейся революции фиксируется только в последующих воспоминаниях, данные события наделяются смыслами из позиции настоящего в прошлое. Невидимость границ в описании событий прошлого делает повествование плавным, исторические процессы отображаются преемственно, в отличие от исторической памяти, где границы четко выставлены.

Поиск собственной идентичности в условиях экстремальной повседневности

Первая мировая война оказалась тем значимым историческим событием, которое вызвало небывалый патриотический подъем и деятельное участие женщин, независимо от их социального происхождения и статуса. Описание повседневной жизни в условиях военного времени

отличается крайней эмоциональностью и насыщенностью. Авторы нарративов осознавали значимость и важность проживаемых ими событий, их описания полны и детальны. Они стремились не только зафиксировать череду событий, но и вписать себя в контекст происходящего, придать значимость собственному взгляду.

Быстро меняющиеся исторические события мотивируют индивидов к решительным действиям в поиске смыслов. С началом войны для многих женщин новым выражением их идентичности стало патриотическое служение. Дворянки, простые горожанки, представительницы интеллигенции массово записывались в госпитали, примеряя на себя роли сестер милосердия, сиделок, организаторов различных медицинских служб. И это было связано не только с патриотическим подъемом, но и с формированием новой культурной традиции, связанной с общностью женских практик, символизировавших активную жизненную позицию, сопричастность к экстремальной военной повседневности: «Боже, как я довольна. Какое душевное удовлетворение испытываю, и ни усталость, ни грязь, ни неудобства ничто ни в тягость» (ОР РГБ. Ф. 12. К. 1. Д. 8. Л. 25). Осознание того, что сестрой милосердия «быть модно» («конечно, большинство идет в сестры, потому что это модно» (Там же. Д. 7. Л. 10)) выступало значимым мотивом записи в госпитали. Для женщин была важна социальная оценка их поступков, в связи с чем в дневниках частое указание на то, что их деятельностью гордятся родители, дети, мужья: «“Мой паpusик на войне, мамусик – сестра милосердия”, – часто рассказывает она и, кажется, очень гордится своими родителями» (Там же. Д. 8. Л. 25).

Военная повседневность стремительно вносила разлад в понимание женской идентичности. Прежние социальные роли не приносили удовлетворения, наблюдался процесс трансформации, поиска новых форм идентичности и самовыражения. Если в условиях прежних военных конфликтов женщин вполне удовлетворяла роль сестер милосердия, то в Первую мировую войну отчетливо проявляется стремление женщин противостоять существующим стереотипам. А. Жданова уже на второй год войны отчаянно пыталась найти способы попасть на фронт не в качестве сестры милосердия, а в роли добровольцы: «Я шью себе солдатскую шинель, купила сапоги и шапку и вступлю на днях в ряды солдат» (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 7). Подобная социальная роль для женщин в условиях Первой мировой войны воспринималась как радикальная, их поведение оценивалось в качестве девиантного. Если к сестрам милосердия было уважительное и понимающее отношение со стороны общества, то стремление женщин попасть на фронт в роли военнослужащих воспринималось резко негативно [Сенявская, 1999, с. 145]. «Многие зовут наш план безумием, экзальтированностью, но чем виноваты мы, что родились не мужчинами... разве ценна жизнь, когда вся Россия с 18 до 42 лет послана жертвовать собой на границы», – в отчаянии, получив многочисленные отказы вступить в ряды добровольцев, пишет А. Жданова (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 77). О своем желании пойти на фронт сообщает дворянка З. Арапова: «Если бы я только смогла бы, с какой бы радостью я удрала туда (на фронт) простым рядовым, чтобы сражаться как они, чтобы страдать как они, за нашу родину» (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 25 об.).

В экстремальных условиях женщины ломают социальные нормы и стереотипы, демонстрируя нестандартные формы поведения, решаясь на чрезвычайно смелые и нетипичные шаги. Они связываются с военным руководством, незаконно проникают в эшелоны, идущие к линии фронта, самостоятельно отшивают себе одежду. Нетипичные социальные действия женщин вызывают негативную реакцию у мужчин, сопротивление, раздражение, но со временем происходит то, о чем писали Бергер и Лукман, – «легитимация» и «хабитуализация» новых социальных практик, вследствие чего конструируются новые поведенческие нормы и социальные роли. Впервые в условиях военного времени женщины получают возможность вступить в армейские ряды в роли военнослужащих.

Амбивалентность общественных настроений

Первые два года с начала войны содержание текстов отличается патриотической направленностью, стремлением к самопожертвованию, верой в будущее великой России. В последующие годы вместо патриотического подъема – разочарование, ощущение бессмысленности

происходящего. Патетическое описание роли Николая II в начале войны сменяется разочарованием в его исторической роли: «Неужели он не видит, что толкает Россию на революцию, и революцию не в низах, а в верхах, революцию более страшную» (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 56). Повествование женщин накануне революционного года наполнено рефлексивными размышлениями и особым трагизмом: «Разве могу я теперь молиться и плакать? Кому молиться? Ад в душе, нет там Бога, нет веры... эти искалеченные люди, которых я вижу ежедневно, эти тысячи смертей. Разве допустила бы я в человеческом сердце такую боль... Траур в душе» (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 7 об.).

Через женские нарративы мы приближаемся к ощущению эпохи в контексте реального времени. Описываемые сцены, сделанные заметки о настроениях людей в 1916–1917 гг. выступают свидетельством фатальности и безнадежности «старой» России. Женские тексты в ярких красках отображают, как меняется ощущение войны в сознании людей. Помимо выражения собственного бессилия, эмоционального выгорания, они фиксируют внимание на деталях повседневной жизни, которые свидетельствуют об усталости общества от войны, о нравственном разложении и амбивалентном восприятии происходящего. А. Жданова, описывая повседневную жизнь Твери, отмечает страх людей перед голодной смертью, кризис продовольствия и желание спекулянтов обогатиться на этом («торговцы и купцы обезумели в алчной погоне за наживой»), бездействие местных властей («городские власти ничего не предпринимают к ограничению разыгравшегося аппетита, недовольство растёт»), пьянство в госпиталях среди пациентов и персонала, «невозможную» грубость и наглость со стороны офицеров, антисемитские погромы (Там же. Л. 74, 80). В текстах фиксируются все более провальные попытки военных призывов: «Все новобранцы выглядят мальчиками, безусые, узкоплечие... Бабы ревут» (Там же. Л. 74). З. Арапова, возвращаясь с линии фронта в Петроград, поражена двойственностью реальности, в которой смерть, лишения, тяжелые страдания одних сопровождаются картинами праздности, расточительности, беспечности, ханжества других: «Направо измены, налево измены, лизоблюдство, жажда личной карьеры, алчность...»; «Все поглощены личной жизнью, каретами и приемами, избегают военных тем, как чего-то наскучившего, а наши умирают за них! Куча негодяев все на первом плане, только не Россия. И ум отказывается понять весь ужас совершающейся продажи родины... Какой кошмар!» (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 60–61). Фиксация на различных проявлениях социальной реальности делает женскую память более точной, полной и насыщенной деталями [Ross, Holmberg, 1990], что позволяет реконструировать различные грани прошлого.

Картины повседневности, описанные в женских нарративах, свидетельствуют в пользу того, что, несмотря на фатальное приближение катастрофы на исходе 1916 г., которую одна часть общества уже ощущала, другая – «цеплялась» за прежний мир с его традициями, порядками, стремясь искусственно поддерживать прежние структуры повседневного мира. Мы разделяем позицию Хальбвакса, который видит в этом не столько разложение общества, сколько универсальную практику сообществ, переживающих пограничные события. Люди «воображают себе будто ничего не изменилось», это позволяет части общества «перейти от одного этапа к другому, не ощущая никакого перерыва в коллективной памяти» [Хальбвакс, 2005, с. 45].

Категория заботы как важный фактор стрессоустойчивости и самосохранения в экстремальных условиях

В анализируемых женских текстах сложно отделить события публичной и частной истории. Воспоминания женщин в большей степени связаны с местными, частными и личностными событиями, чем с общественными. Несмотря на тяготы, драматизм, повышенную неопределенность, вызванную военными, революционными событиями, содержание женских нарративов отличается романтизмом, особым вниманием к описанию интимных переживаний, чувства любви и влюбленности. Основным акцентом является личная жизнь, а исторические события служат только фоном, на котором разворачиваются сильные человеческие чувства – любовь, тягость разлуки, забота о ближнем: «На поезде у нас было так много личной жизни и так мало «жертвы» (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 47). Н. Солодовникова, находясь в роли сестры мило-

сердия на румынском фронте, ярко описывает ее встречи с офицерами французской эскадрильи, трепетные ухаживания, знаки внимания, адресованные ей, романтическую переписку (ОР РГБ. Ф. 686. К. 4. Д. 6. Л. 48). Повествование З. Араповой на протяжении всего военного времени концентрируется вокруг планов вновь и вновь встретиться со своим мужем, находившемся на линии фронта. А. Жданова, повествуя о тяжелых буднях работы в госпитале, уделяет значительное внимание описанию романтических чувств, ухаживаний, нежных свиданий: «На карточке он мне страшно нравится, но продолжать в прежнем духе было бы глупо. Но я подумаю об этом хорошенько» (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 5).

Значимость личных переживаний на фоне глобальных исторических событий не только характеризует женское письмо, но и выступает важным средством преодоления травм и способом выживания в экстремальных условиях. Женские тексты пронизаны заботой о ближнем, волнениями о членах своей семьи, романтическими переживаниями. Забота о детях для З. Араповой становится той областью смыслов трагической повседневности, которая дает силы к жизни после гибели мужа в начале 1920-х гг. В том случае, если близких не было, то эмоциональные переживания могли сосредотачиваться вокруг слабых – раненых воинов, беспризорных детей. Семья, забота о ближнем, романтические чувства выступают в данном случае кросс-культурной и фундаментальной частью наших ценностей, которые обладают мощным потенциалом стрессоустойчивости и жизнестойкости.

Важно отметить и то, что категория заботы, переживания за другого – это свойства человеческой психики, которое помогает человеку ощущать себя не жертвой обстоятельств, а источником заботы о другом, а значит, активным участником событий, живым человеком. Именно об этом писал известный психолог Б. Беттельгейм, подчеркивая, что самосохранение возможно «через осознания себя как субъекта, а не объекта подавления» [Беттельгейм, 2024]. Этнологи и социальные антропологи также подчеркивают, что повышенная выживаемость и стрессоустойчивость женщин в сообществах, по сравнению с мужчинами, предопределяется их ориентацией на заботу о ближнем [Hrdu, 2009; Бутовская, 2022].

Символы смерти, умирания как образы перехода от «старой» к «новой» России

Революционные события не отображались в воспоминаниях как новый исторический этап. Они рассматривались на фоне единой канвы событий. Фокус женского письма был сосредоточен на событийной стороне военного времени. Революционные события ворвались в повествование без осознания причинно-следственных связей. Складывается представление, что авторы нарративов не были готовы и даже не задумывались о подобном течении исторических событий. Женское письмо 1917–1918 гг. приобретает форму фиксации происходящего без особой аналитики. Чрезвычайно трагичные и драматичные события личной жизни отображаются сухо и конкретно. В. Н. Бобринская перечисляет, что был арестован ее сын офицер, что она выезжает в Пятигорск, оставляя все свое имущество (ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Д. 4). Тексты З. Араповой, в которых она сообщает о смерти близких людей, лишены рефлексии, повествование монотонно и сдержанно, в отличие от прежних записей.

Несмотря на разное отношение к революции и приходу к власти большевиков, в женских текстах часто используется аллегория смерти и умирания. Граница между «старой» и «новой» Россией символизируется в описании смерти, которая олицетворяет не только гибель прежних порядков, но и выражает мысли о собственном суициде: «Я хочу смерти, но кончать жизнь самоубийством позорно» (ТГОМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 7 об.); «Мы, увы, как это ни страшно, но идем к гибели»; «У меня такое впечатление, что наш российский поезд влетел в тупик, в мрачное подземелье, и кипит и взрывает и вот-вот паровоз взорвется и похоронит все под обломками»; «Погибла Россия, затоптанная в грязи»; «Мы себя втоптали в грязь и уничтожили» (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 60, 68, 96).

Этот процесс вполне сравним с «обрядом перехода» [Van Gennep, 1960] и «пограничными явлениями», выделяемыми социальными и культурными антропологами. «Обряды перехода», подобно практикам инициации, характеризуют различные этапы в жизни человека, в которых переход из одного состояния символизировал умирание прежнего [Мицюк, Пушкарёва,

2015]. Различные социальные группы находились в пограничных ситуациях, новая реальность отображалась в их сознании в виде символов смерти, что может рассматриваться как проявление коллективного бессознательного и обряда перехода.

Поток событий, развернувшийся в 1917 – начале 1920-х гг., резкая смена политических курсов, противостояние различных социальных групп, Гражданская война представляются в женском письме слабо осмысленными. В женских текстах фиксируется состояние неопределенности, непонимания вектора событийной канвы: «Вот они, эти непредвиденные события, о которых предупреждал папа! Как разобраться? Кто прав? Я уже не равнодушна, мне хочется понять, что происходит» (ЦХД после 1917 г. Ф. 105. Оп. 1. Д. 18. Л. 10). Драматизм описаний коррелировал с возрастом авторов текстов. Срез революционной повседневности в восприятии гимназисток отличался легкостью описания, был лишен драматизма и отражал, скорее, удивление и восторг в отношении быстро меняющихся социальных норм, ценностей и культурных традиций: «В классный коридор вошла группа мужской молодежи... Они потребовали, чтобы нас вывели на улицу. Кто-то сказал, что необходимо, чтобы на груди было что-нибудь красное... Все было необычайно весело... мы ничего не поняли» (ОР РГБ. Ф. 871. К. 1. Д. 3. Л. 68).

Коллективная память в отображении пограничных эпох склонна к использованию черноты тонов. Неоднозначность вытекает из пограничного положения «поворотных моментов» между двумя эпохами: «Они одновременно обозначают и уход от прошлого, и вступление в новую жизнь» [Van Gennep, 1960, p. 11]. Восторг и воодушевление, вызванные спонтанным единением людей и искренними эмоциями в ходе революционных событий, учительницы Михайловой, разделявшей социал-демократические взгляды: «Кто бы мог подумать накануне, кто бы поверил, что завтра вся Москва, как один человек, бросит все, выйдет на улицу... Знакомы встречались, обнимались, целовались, плакали» (ЦХД после 1917 г. Ф. 105. Оп. 1. Д. 18. Л. 10), – сменялись тревожными размышлениями о будущем и фатальными предчувствиями: «Некоторые студенты и курсистки (зеленые) жаждут крови, террора... Не нравится мне социал-демократическая газета “Вперед”, где призывают рабочих вооружаться. Что будет? В мраке неизвестности» (Там же). Негативные оценки связывали происходящее с анархией, террором, тотальным хаосом и бессмысленностью: «Кровь льется потоками. Анархия в полном разгаре. И ненависть, ненависть, зависть, злоба разгораются все сильнее» (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 97); «Большевизм – это ураган, носящий смерть вокруг, но в себе самом для себя заключающий смерть» (ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Д. 4. Л. 48); «Анархия по барским залам шаркает» (ОР РГБ. Ф. 686. К. 4. Д. 6. Л. 48); «Я знала, что в России революция, но представляла ее себе бессмысленным бунтом, хаосом» (ОР РГБ. Ф. 729. К. 4. Д. 3. Л. 24). В женских нарративах постреволюционного периода содержится много вопросов и мало ответов: «Да и в чем равенство? Как уравнивать красоту и уродство? Одаренность и бездарность? Равенство должно быть в чем-то другом. Нищенство и богатство? Да, я не знаю ответа на этот вопрос» (ОР РГБ. Ф. 871. К. 1. Д. 3. Л. 88). Настороженность, неопределенность трактовок происходивших событий наводит на мысль о том, что, независимо от социально-политической позиции, индивиды выступали носителями травмирующего опыта. В данном отношении, полагаем, применим концепт С. Ушакина, который рассматривает травму в качестве опыта утраты, как «неспособность свести воедино три критических опыта: опыт пережитого, опыт высказанного и опыт осмысленного» [Ушакин, 2009, с. 8].

Поиск собственной идентичности и стратегии выживания

Социальные антропологи отмечают, что культурные практики интерпретации поворотных событий истории часто воспринимаются индивидом в качестве потери собственной идентичности и стремления ее обрести в новых условиях [Uncertain Transition..., 1999]. Женские нарративы демонстрируют различные способы самосохранения прежней и обретения новой идентичности индивидов в условиях экстремальных событий. Революция 1917 г. приносила одним сообществам энтузиазм и веру в новое светлое будущее, другим – ощущение краха России и апокалиптические настроения. Дихотомичное восприятие реальности вырабатывало различные стратегии выживания в условиях экстремальной повседневности. Одна из стратегий состояла в том, чтобы избежать новой реальности с помощью переезда как можно дальше от

эпицентра социальной стихии: «Покинув Москву после большевистского выступления, я поселилась на Минеральных Водах» (ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Д. 6. Л. 1).

Другая стратегия выражалась в попытках адаптироваться и приспособиться к новым условиям, отрекаясь от собственного прошлого. Солодовникова, несмотря на опасность для нее оказаться в революционной России, всеми средствами стремится попасть в Москву, покидая госпиталь на румынском фронте. Вопреки своему «опасному» происхождению (из богатой купеческой семьи), она была твердо убеждена, что ее будущее возможно только в России, независимо от того, кто придет к власти: «Для меня даже голодная Россия была желаннее их ресторана и богатого румына... как там живут все, так буду жить и я» (ОР РГБ. Ф. 686. К. 4. Д. 6. Л. 92). Несмотря на гибель всех родных («Бог отнял у меня все и всех и оставил меня доживать в погибшей России. Боже мой, Боже. Ты знаешь, что нужно нам, да будет воля твоя!») (ОР РГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 97 об.), З. Арапова также решила остаться в новой России, смиренно принимая сообщения о ее скором аресте.

Иную стратегию воплощают личности, которые претерпели много трудностей в прежней России и с надеждой встречали «новую» Россию. Тексты учительницы Е. П. Михайловой, студентки Е. П. Андреевой выражают готовность строить новую социалистическую реальность, влиться в активную работу по открытию школ, в социальную работу по организации помощи беспризорным детям (ОР РГБ. Ф. 698. К. 1. Д. 8. Л. 104–105; РГАЛИ. Ф. 3114. Оп. 1. Д. 623).

Заключение

Таким образом, женская коллективная и индивидуальная память содержит неисчерпаемый и многогранный ресурс в репрезентации пограничных эпох и способов выживания людей в экстремальной повседневности. Историко-антропологическая перспектива в изучении женской социальной и индивидуальной памяти позволяет формировать понимание того, каким образом «маленькие люди» переживали пограничные эпохи, как происходило отображение и осмысление меняющейся реальности в сознании людей, каковы были алгоритмы адаптации к новым социальным условиям, как конструировались новые смыслы и воссоздавались новые традиции и социальные практики.

Женские нарративы, отличающиеся большей эмоциональностью, внимательностью к деталям, расфокусированностью на различных объектах социальной реальности, дают широкие возможности в репрезентации многогранных сюжетов прошлого. Привлечение дневников, хранящихся в российских архивах и принадлежавших рядовым женщинам, позволяет обнаружить различные грани нашего прошлого, выявить оттенки восприятия и алгоритмы конструирования смыслов в эпоху разрушения привычной реальности. Женское письмо отличается коммеморативной плотностью и насыщенностью. Индивидуальная память, в отличие от исторической, демонстрирует различное восприятие времени. Исторические события представлены потоково, монолитно, их границы размыты. Содержание нарративных текстов позволяет уловить колебания общественных настроений от патриотического подъема с началом Первой мировой войны до апокалиптических настроений к началу 1920-х гг. В женском восприятии переживание пограничных эпох, разделивших жизнь на до и после, вполне сравнимо с «обрядом перехода», описываемыми этнологами, в ходе которых прежняя часть личности умирает, а новая воссоздается. При этом символы смерти и умирания были характерны как в описании собственной жизни, так и символического образа самой России.

В женской автобиографической памяти исторические события и явления личной жизни тесным образом переплетены. Семейные заботы, волнения о детях и близких родственниках, романтические отношения, заботы о слабых становятся ключевыми в фокусе женских описаний, разворачивающихся на фоне повествования о глобальных исторических переменах. Сконцентрированность на заботе о ближнем делает женщин более стрессоустойчивыми и позволяет адаптироваться к быстроменяющимся условиям жизни. Амбивалентное восприятие реальности формировало различные стратегии выживания. Итак, научная интерпретация практик женской меморизации, содержание женских нарративов позволяют рассматривать их в качестве уни-

кального социально-исторического инструмента осмысления и переживания травмирующих опытов в конструктивные способы и мотивы к выживанию и дальнейшему развитию.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212, <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5819. Оп. 1. Д. 4; Д. 6.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 12. К. 1. Д. 7; Д. 8; Ф. 12. Оп. 1. Д. 9; Ф. 686. К. 4. Д. 6; Ф. 698. К. 1. Д. 8; Ф. 729. К. 4. Д. 3; Ф. 871. К. 1. Д. 3.
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3114. Оп. 1. Д. 623.
Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ НА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 106.
Центральное хранилище документов после 1917 г. (ЦХД после 1917 г.). Ф. 105. Оп. 1. Д. 18.

Библиографический список

Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 212–230.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Белова А.В. Профессиональное, личное, обыденное в женской автобиографической памяти (на примере записей тверичанки 1970-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103–119. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.7. EDN: LNQLER.

Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. Автономия личности в тоталитарном обществе. Как остаться человеком в нечеловеческих условиях. М.: МИФ, 2024. 448 с.

Богдашина И.В. Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках (1951–1969) жительницы Сталинграда (Волгограда) // Вестник Рязан. гос. ун-та. 2020. № 3. С. 46–54. DOI: 10.37724/RSU.2020.68.3.005. EDN: IXXTUK.

Бутовская М. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. М.: ДМК-Пресс, 2022. 364 с.

Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» (обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460. EDN: PFSTLL.

Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти. Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. М.: Новое изд-во, 2011. 416 с.

Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 700 с.

Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX века // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. История. Политология. 2015. № 13, вып. 35. С. 133–142. EDN: VAWGEV.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 202–208.

Поршинева О.С. Человек в условиях российской революции 1917 г.: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 г. в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 50–64. EDN: XWHDL D.

Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. История. 2019. Т. 18, № 2. С. 214–245. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245. EDN: ASLYIQ.

Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В. «Все давалось большим рудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49, № 2. С. 425–432. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-425-432. EDN: TKHRUP.

Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А., Белова А.В., Громова А.И. Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 289–312.

Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5, № 6. С. 27–48.

- Русакова О.Ф. Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2022. 378 с.
- Савельева И.М. Концепция «исторической памяти»: истоки и итоги // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе. СПб.: Европ. дом, 2007. С. 246–225.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX век: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
- Ушакин С. Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41. С. 8–27.
- Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно-ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 246–277. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-246-277. EDN: GLMCVS.
- Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
- Haaken J. Pillar of Salt: Gender, Memory, and the Perils of Looking Back. London: Rutgers University Press, 1998. 332 p.
- Halbwachs M. The Collective Memory. New York: Harper & Row, 1980. 232 p.
- Arendt H. Between Past and Future. New York: Viking, 1961. 301 p.
- Hrdy S.B. Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding. New York: Harvard University Press, 2009. 422 p.
- Lévi-Strauss C. The Savage Mind. Chicago, Chicago: University of Chicago Press, 1970. 310 p.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 8–32.
- Passerini L. Memory and Utopia: The Primacy of Intersubjectivity. London: Equinox, 2005. 192 p.
- Robinson J.A. Autobiographical Memory: A Historical Perspective // Autobiographical memory / ed. by D.C. Rubin. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 159–190.
- Ross M., Holmberg D. Recounting the Past: Gender Differences in the Recall of Events in the History of a Close Relationship // Self-inference Processes: The Ontario Symposium. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990. P. 135–152
- Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. by M. Burawoy, K. Verdery. Lanham, 1999. 126 p.
- Van Gennep A. The Rites of Passage. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 198 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.05.2025

WOMEN'S SOCIAL MEMORY IN THE CONDITIONS OF EXTREME EVERYDAY LIFE IN RUSSIA (1914–1920): A HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

N. A. Dmitrieva

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, 119571, Russia
dmitrievana67@yandex.ru
ResearcherID: P-4349-2017
Scopus Author ID: 57189642279
SPIN-код: 6529-1123

N. L. Pushkareva

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia
pushkarev@mail.ru
ResearcherID: K-1705-2013
Scopus Author ID: 55794855000

SPIN-код: 3853-8032

The publication focuses on the historical and anthropological analysis of the features of women's collective and individual memory in the extreme everyday life of Russian history (1914-1922). The key concepts were the history of memory, approaches to women's research, and emotional history. The source base consisted of women's diaries belonging to representatives of various social groups. The advantages of diaries among autobiographical sources are the reflection of the author's subjectivity, reflexive reflections at the time of the events. Women's ego documents were extracted from eight collections of five archives. The study shows that the content of women's narratives is distinguished by the "commemorative density" of narrative flow, the absence of boundaries in the description of historical events. The phenomena of private and public history were closely intertwined in women's texts. The experiences of extreme everyday life were characterized by the emotional intensity of the narrative and were expressed in the search for new forms of identity, breaking gender stereotypes and established views on women's social roles. The transition from the "old" to the "new" Russia was depicted with the help of allegories of death and dying. Caring for family and close relatives in need of social assistance was an important factor in stress tolerance and overcoming traumatic experiences for women. Ambivalent perception of reality shaped various survival strategies, which involved rejection of reality, attempts to adapt to new conditions, as well as active activism.

Key words: collective memory, social memory, women's social memory, women's diaries, World War I, women's daily routine.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00212, <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

References

- Arendt, H. (1961). *Between past and future*. Viking.
- Artog, F. (2004). Types of historical thinking: Presentism and forms of perception of time. *Otechestvennye zapiski*, (5), 212–230.
- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity*. Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Belova, A. V. (2024). Professional, personal, and everyday in women's autobiographical memory (on the example of Tverchanka's recordings of the 1970s). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 103–119. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.7>
- Bettelheim, B. (2024). *The enlightened heart: Personal autonomy in a totalitarian society. How to remain human in inhumane conditions*. MIF.
- Bogdashina, I. V. (2020). Women's social memory of the familiar and the mundane in the diaries (1951–1969) of a resident of Stalingrad (Volgograd). *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 46–54. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.005>
- Burawoy, M., & Verdery, K. (Eds.). (1999). *Uncertain transition: Ethnographies of change in the postsocialist world*. Rowman & Littlefield.
- Butovskaya, M. (2022). *Secrets of gender: A man and a woman in the mirror of evolution*. DMK-Press.
- Churakova, O. V. (2019). "The human soul is destroyed by war...": Written sources from the period of the First World War as a resource for a gender-oriented history of emotions. *Vestnik RUDN. Seriya: istoriya Rossii*, 2(18), 246–277. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-246-277>
- Ekman, P. (2010). *Psychology of emotions*. Piter.
- Haaken, J. (1998). *Pillar of salt: Gender, memory, and the perils of looking back*. Rutgers University Press.
- Halbwachs, M. (1980). *The collective memory*. Harper & Row.
- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Neprikosnovennyy zapas*, (40–41), 8–27.
- Hrdy, S. B. (2009). *Mothers and others: The evolutionary origins of mutual understanding*. Harvard University Press.
- Lévi-Strauss, C. (1970). *The savage mind*. University of Chicago Press.
- Malinovskiy, B. (2004). *Favorites: Cultural dynamics*. ROSSPEN.
- Mitsyuk, N. A., & Pushkareva, N. L. (2015). Gender differences in the perception of the childbirth (The history of everyday life of the Russian nobility of the late 19th–early 20th centuries). XX century. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya Istoriya. Politologiya*, 13, 133–142.
- Nora, P. (1989). Between memory and history: Les lieux de mémoire. *Representations*, 26, 8–32.
- Nora, P. (2005). A worldwide celebration of memory. *Neprikosnovennyy zapas*, (2–3), 202–208.
- Passerini, L. (2005). *Memory and utopia: The primacy of intersubjectivity*. Equinox.
- Porshneva, O. S. (2016). Man in the conditions of the Russian Revolution of 1917: The main trends and achievements in the study of the problem. In *1917 in Russia: The socialist idea, revolutionary mythology and practice* (pp. 50–64). UrFU.

- Pushkareva, N. L. (2019). The heuristic value of autobiographies for a genderologist: Comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical research. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya*, 2(18), 214–245. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>
- Pushkareva, N. L., & Zhidchenko, A. V. (2022). "Everything was hard and in any weather": A woman's memory of the domestic disorder in the post-war new Soviet city of the 1950s. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 2(49), 425–432. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-2-425-432>
- Pushkareva, N. L., Mitsyuk, N. A., Belova, A. V., & Gromova, A. I. (2018). Maternal identity, family and collective memory of the "female destiny" in Russia: Historiographical observations. In *Historical memory and Russian identity* (pp. 289–312). RAS.
- Robinson, J. A. (1987). Autobiographical memory: A historical perspective. In *Autobiographical memory* (pp. 159–190). Cambridge University Press.
- Ross, M., & Holmberg, D. (1990). Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship. In *Self-inference processes: The Ontario Symposium* (pp. 135–152). Lawrence Erlbaum Associates.
- Rozhdestvenskaya, E., & Semenova, V. (2011). Social memory as an object of sociological study. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, 6, 27–48.
- Rusakova, O. F. (2022). *The official discourse of the Russian policy of remembering the Soviet past: Strategies of interpretation, actors, and commemorative practices*. Diskurs-Pi.
- Savelyeva, I. M. (2007). The concept of "historical memory": Origins and results. In *Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union* (pp. 225–246). European House.
- Schutz, A. (2013). *Life forms and meaning structure*. Routledge.
- Senyavskaya, E. S. (1999). *Psychology of war in the 20th century: Historical experience of Russia*. ROSSPEN.
- Turner, V. W. (1974). *The ritual process: Structure and anti-structure*. Cornell University Press.
- Ushakin, S. (2009). *Trauma: Points. A new literary review*. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Van Gennep, A. (1960). *The rites of passage*. University of Chicago Press.
- Vinnitskiy, I. (2012). The conspiracy of feelings or Russian history at an "emotional turn" (Review of works on the history of emotions). *Novoe literaturnoe obozrenie*, 117, 441–460.
- Zerubavel, Ya. (2011). *The dynamics of collective memory: Empire and nation in the mirror of historical memory*. Novoe izdatel'stvo.